

Шавкат АХМЕДОВ

РАССКАЗЫ

ВОТ И ДО КИШЛАКА КУЧКАК ДОШЛА ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА

В один из летних дней я с родителями снова посмотрел драматический советский фильм «Ты не сирота», и, как всегда, с комком в горле...

Фильм был снят в 1962 году на основе реальных событий. Он рассказывает о кузнеце Шохахмаде и его супруге Бахри из Ташкента, которые в годы Великой Отечественной войны усыновили и удочерили четырнадцать детей разных национальностей, эвакуированных в Узбекскую ССР.

После окончания фильма мы некоторое время сидели молча. Мать кончиком платка, как бы невзначай, утирала слезы. Отец сидел, отвернувшись к окну, и смотрел в одну точку, а я в очередной раз еле сдерживал слезы. Отец попросил налить чаю. Мать, держа левую руку перед грудью, вежливо правой рукой протянула ему пиалу. Папа сделал глоток и тихо произнес:

— В годы войны у нас в кишлаке Кучкак тоже жили эвакуированные.

Это меня удивило.

— Как, в Кучкаке, в Таджикистане? — я об этом не знал.

— В Кучкаке? — тоже с удивлением переспросила мама.

— Да, Мамлакат Таджибаевна, в Кучкаке.

— Расскажите, отец.

— Да... Но... Я не думаю, что помню все подробности тех дней. Все-таки прошло почти семьдесят лет.

— Расскажите, что помните.

Отец начал:

— Об эвакуированных я помню не так уж много, в основном по рассказам родителей, односельчан и моего брата Мансура. После войны чаще всего об эвакуированных вспоминала моя мать, а твоя бабушка Анорабегим.

Итак... шла война. В те годы твой дедушка Ахмад работал журналистом в редакции партийной газеты Канибадамского района «Рохи Сталин» («Путь Сталина»). Кстати, ты знаешь, что он с 1960 года был членом Союза журналистов СССР?

— Да, конечно, — растерянно ответил я, хотя, к своему стыду, об этом не помнил.

Отец задумался, наверное, сосредоточился на воспоминаниях. Сделал глоток чая, поставил пиалу на стол, глубоко вздохнул и продолжил:

— Твой дедушка Ахмад рассказывал, как в конце 1941 года в районном центре Канибадам распространился слух о том, что из прифронтовых районов к нам долж-

Шавкат Ахмедов родился в 1967 году в городе Ленинабаде Таджикской ССР, ныне город Худжанд Республики Таджикистан. После окончания Ленинабадского государственного педагогического института работал в различных организациях СССР, а затем Республики Таджикистан. Живет в Санкт-Петербурге.

ны прибыть эвакуированные. Руководство района активно готовилось их принять и разместить.

Как мне рассказывала мама, в один из поздних вечеров из райцентра отец приискал верхом. Я уже спал, но, услышав отца, вскочил с теплой постели и подбежал к нему. Он обнял, поцеловал, достал из кармана конфету и протянул мне. Я, счастливый, вернулся в постель. В комнату вошли твои прадедушка Абдуали и прабабушка Эргашой. Поздоровавшись, они сели за сандали и отец сообщил, что вернулся в кишлак по указанию первого секретаря райкома партии и что он с рабочей группой из Канибадама и активом кишлака Кучкак должны подготовить условия для расселения у наших односельчан эвакуированных из прифронтовых районов.

— Вот и до кишлака Кучкак дошла проклятая война, — сказала бабушка Эргашой.

— Это случилось раньше, в тот день когда в наш кишлак пришла первая хатисиех (похоронка), — поправил ее дедушка Абдуали. И потом добавил: — Нет. В тот день, когда первые джигиты ушли на фронт. Именно в тот день и пришла проклятая война в наш кишлак.

Затем отец продолжил:

— Но эти эвакуированные не обычные люди.

— Как не обычные? — с удивлением спросила бабушка Эргашой.

— Это немцы.

— Кто? Пленные, что ли? — в недоумении переспросил дедушка Абдуали.

— Нет, это советские люди, только по национальности немцы, они жили на берегу Волги.

— Вы хорошо подумали? Народ может принять их неоднозначно. Сохрани нас Аллах.

— Это решение принято руководством района. Как мне сказали, в основном это старики, женщины и дети. Они тоже советские люди, и они тоже спасаются от войны. Эвакуированные придут в ближайшие дни, и надо разместить их в семьях односельчан. В первую очередь у одиноких с лишней жилплощадью.

Затем отец долго обсуждал со стариками и мамой список жителей, которые смогли бы принять у себя беженцев.

Через несколько дней в наш кишлак Кучкак привезли двадцать семей эвакуированных немцев. По-разному был воспринят их приезд жителями кишлака. Что еще стоило ожидать от населения, у которого отцы, братья были на фронте. Многие получили извещения о смерти близких либо сообщения о пропавших без вести. Так, двое, мои родные дяди, братья моей матери, воевали на фронте. Вернулся Исокбай, а старший Абдуалибай погиб.

— А у меня три дяди: Абдукаюм и Нишонбай вернулись с ранениями, а Абдулло пропал без вести, — перебив рассказчика, сказала мама, глядя на меня. И в глазах ее сверкнула слеза.

Отец вздохнул, выдержал паузу, а затем продолжил рассказ:

— С 1941 года и еще несколько лет после окончания войны по всему кишлаку на таджикском, узбекском и русском языках висели агитационные плакаты «Немисрозан» («Бей немцев»), «Смерть немецким захватчикам» и т. д. Это сейчас в средствах массовой информации чаще всего пишут «фашистские захватчики и т. д.», а в те годы указывали на врага, называя национальность — немцы.

Со слов твоей бабушки Анорабегим, которая тогда была учительницей начальных классов, а также преподавала немецкий язык в средней школе имени Пушкина кишлака Кучкак и еще параллельно работала в сельсовете, сначала не все эвакуированные соглашались жить в семьях кучкаковцев. Они боялись за свою жизнь и жизнь своих

родных, боялись самосуда местных горячих голов. Действительно, как и говорил отец, в основном это были женщины, старики и дети. Было несколько мужчин и молодых парней. Позднее молодые парни были призваны на войну. Рассказывали, что некоторые из них попали на фронт, а некоторые — на тыловые работы. После войны несколько человек вернулись в наш кишлак. Но не все. Хорошо помню того, который работал слесарем в гараже.

Примерно пятнадцать семей были размещены в шипангах (кашарах) нашего колхоза имени Карла Маркса. Шипанг в то время представлял собой строение прямо посреди колхозного поля, примерно двадцать на десять метров, без забора, там имелись кухня и небольшой караван-сарай. У каждой бригады был свой шипанг, где с начала посевной и до конца сбора урожая отдыхали колхозники, а некоторые жили постоянно.

Многие кучкаковцы изъявили желание разместить эвакуированных в своих домах. Немцы согласились и переезжали к ним из шипанга. Через полгода всех расселили по семьям. В шипанге осталась только одна семья, которая прожила там до 1947 года. За это время они обзавелись хозяйством: корова, осел, куры. Думаю, они были хорошими хозяевами.

Через месяц все взрослые эвакуированные начали работать: в колхозном гараже, трактористами, учителями, в сельской больнице, на ферме и, конечно, в колхозе. Так же, как все, они выходили в поле полоть и собирать урожай (хлопок, зерно).

Взрослые парни и девушки работали и учились в интернате города Канибадама.

Если честно, немецких эвакуированных было трудно отличить от русских, которые жили в Канибадаме.

Когда наши фройляйн приезжали на выходные или на каникулы в Кучкак и прогуливались по улицам, все засматривались на них. Думаю, не одну молодую, да и седую голову джигитов вскружили светловолосые немецкие кудри и косы. Как мне рассказывали в 1950-е и 1960-е годы, парни из соседних кишлаков завидовали нашим — ведь в Кучкаке жили красивые немецкие девушки. А кучкаковцы-драчуны не разрешали чужакам общаться с красавицами односельчанками. Не раз дело доходило и до драк, в итоге всегда побеждали кучкаковцы, — слегка улыбаясь, сказал отец. — Да, всегда.

Продолжая улыбаться, отец попросил еще пиалу чая. Я, опередив маму, налил чай. Отец сделал глоток.

Я с нетерпением ждал продолжения истории. Отец продолжил:

— Одна немецкая семья с первых же дней приезда к нам в кишлак согласилась жить по соседству, в доме наших родственников, Тошматбая и тети Бахри. Немка была женщиной лет тридцати, а сын моего возраста, его звали Андрей. Они совсем не были похожи на немцев. Твоя бабушка Анорабегим говорила, что мама Андрея чем-то похожа на дочерей еврея Абрама, а Андрей на его сыновей, которые жили в Канибадаме.

В первый же день, когда они поселились у нас, на улице Олвока, мать взяла с собой меня и старшего брата Мансура, в узелок завязала какие-то угощения, чашку каймака, и мы пошли знакомиться с новыми соседями. Помню, мама попросила нас с братом подружиться с Андреем и не давать соседским ребятам обижать его. Я быстро сошелся с ним, но вначале нам было трудно общаться, потому что я не мог разговаривать на русском, а он не знал ни таджикского, ни узбекского. Объяснялись жестами и понимали друг друга.

Прекрасно помню, как я учил его правильно произносить мое имя Туйгун и как чудно и смешно он это делал. А он учил меня правильно произносить имя Андрей. Скоро я его стал звать Андрейка, а потом так стала называть его и вся улица. Редко кто обращался к нему полным именем. Уж не знаю почему. Так, наверное, было легче.

Первые месяцы нашего знакомства я приходил в дом дяди Тошматбая, и мы играли с Андреем только во дворе. Иногда к нам присоединялись другие соседские дети, но редко. Когда Андрейка просился играть на улице, его мама запрещала и что-то говорила ему по-русски. Через полгода Андрейка выучил узбекский и немного таджикский. На узбекском он говорил без акцента. Постепенно его мама стала разрешать играть с соседскими ребятами на улице. Через год его уже трудно было отличить от местных детей. Андрейка стал своим парнем на нашей улице. Иногда он носил тюбетейку, которую на какой-то праздник подарила ему моя бабушка Эргашой. Играл, матерился и дрался с нами и со сверстниками с другой улицы. Был среди них парень-немец, его имя уже не помню. Помню только, что он был рыжим. Мы все его так и звали — Сарык (Рыжий).

Андрей стал моим лучшим другом. Порой, устав от игр или от работы по хозяйству, точнее, от помощи старшим, он часто засыпал у нас дома, а иногда я оставался у них. Вначале его мама приходила и забирала сонного сына. А мне родители разрешали оставаться у Андрея, потом просто по-соседски предупреждали, что он или я остались ночевать.

Мама Андрея подружилась с моей мамой. Часто приходила к нам домой, и часами они о чем-то беседовали.

Прекрасно помню туфли Андрейки, которые тот носил первые годы, когда только приехал в кишлак. Он их по праздникам, а потом и в школу носил, коричневые, кожаные, на шнурках, похожие на современные берцы. Ни у кого не было такой обуви. Андрейка рассказывал, что до войны ему их сшил дядя.

Ранней весной со старшими ребятами ходили мы на склоны горы Каратаг, собирать тюльпаны и бойчечак (подснежники). А вечером с цветами обходили всех соседей, пели песню, сообщая всем, что расцвел подснежник — знак прихода весны. Взрослые дарили нам сласти, а некоторые давали и деньги.

В 1943 году мы с Андреем пошли в первый класс и сидели за одной партой. Классным руководителем у нас была твоя бабушка Анорабегим. Учительницей она была строгой и требовательной. Тогда казалось, что больше всего доставалось мне.

Я и Андрей попадали в разные истории. Помню, в один из майских дней, буквально перед каникулами, мы без спроса поехали кататься.

— На чем? — спросил я.

— Естественно, на ослах. Я — на осле моего дедушки, а Андрейка — на осле Тошматбая. Мы проскакали до колхозных хлопковых полей. Остановились в тени урючного дерева. Наевшись еще неспелого урюка, нарисовав из углей потухшего костра себе усы, вооружились прутьями, которые заменили нам шашки, сели на своих «вороних» старых ослов и со словами «Я — Чапаев!» поскакали галопом. Мы старались перекричать друг друга:

— Я — Чапаев!

— Нет, я — Чапаев! — вытянув вперед «шашки», с криками «ура!» мы помчались вперед. Не знаю, сколько можно скакать на старых ослах горячим чапаевцам, но через сто метров наши измученные ослики остановились и упрямо отказались вообще двигаться дальше. Вот тогда я понял, что означает выражение «упрямый как осел». Оба улеглись прямо посередине дороги. Попытки поднять их были тщетными. Мы по-хозяйски решили дать им отдохнуть. Хотя они нас об этом не спрашивали.

Сами же уселись в тени тутового дерева. Не помню, сколько восстанавливали свои силы наши ослы, но думаю, не менее часа. Вдруг вдалеке послышался гудок, мы вскочили и увидели на горизонте быстродвигающийся черный дым и сам эшелон. Не могу сказать, кто первый предложил поскакать к железной дороге, чтобы посмотреть на

поезда, думаю, это была идея Андрея... или моя. Это не важно. Важно, что было потом. Мы одновременно повернулись в сторону скакунов-пенсионеров, которые уже щипали траву у дороги, вскочили на них, как кавалеристы, и походным маршем взяли курс на железную дорогу.

Все дальше и дальше позади оставался кишлак, а железная дорога приближалась, звук поездов делался все громче. Железная дорога проходила примерно в пяти километрах от нашего кишлака. Не помню, как долго мы добирались, но в итоге добрались. Мы привязали ослов и стали ждать очередной состав. Ходили по шпалам, прижимались ухом к рельсам, прислушиваясь к далекому гулу поезда. Наконец наши ожидания увенчались успехом. Поезд шел со стороны Канибадама в направлении Худжанда. Я первый раз оказался так близко от поезда и был испуган видом подобной махины: ничего подобного я раньше не встречал. Мне стало страшно. Буквально перед нами машинист дал гудок и помахал нам. Люди смотрели в окна вагонов и тоже махали нам, а мы им в ответ. Я стоял как вкопанный, приоткрыв рот, махал рукой и только успевал провожать взглядом пролетающие вагоны. Когда поезд уже удалялся от нас, я стал орать от счастья, а Андрей, наоборот, загрустил. Я спросил у него, что случилось. Он тихо ответил, что их в Таджикистан эвакуировали в таком же поезде.

— Ты видел вагон с лошадьми? Вот именно в таком вагоне. Было очень холодно. Пока мы ехали, меня все время обнимала и прижимала к себе мама. — Потом Андрей добавил, что его мама считает везением то, что они попали в Кучкак. А могли бы и в Сибирь.

Честно говоря, тогда своим детским умом я не понял весь смысл, боль и глубину его слов. Это теперь я понимаю, что им пришлось пережить. Не дай бог пожелать такого даже врагу.

Андрей часто вспоминал о своей родине. Из его рассказов я помню, что они жили на берегу Волги, в своем доме с яблоневым садом...

Я встал на шпалы и стал провожать взглядом уходящий за горизонт последний вагон. Ко мне подошел Андрей. Он смотрел по сторонам. Потом спросил, указывая пальцем в сторону кишлака:

— Туйгун, это Кучкак?

Я посмотрел, куда он указывал, и утвердительно кивнул.

— Да, Кучкак, — ответил я.

Вдруг я осознал, как далеко мы от кишлака. При этом без спроса. Я понял, что наказание неизбежно.

Возвращались мы молча. Только иногда, поравнявшись на дороге, придумывали легенду: где мы были и как незаметно загнать ослов обратно в сараи. Но все легенды рассыпались... Незаметно можно было попасть только по воздуху.

Вдруг Андрей воскликнул:

— Ну почему ослы не летают?!

И мы рассмеялись. Но быстро вернулись к печальной мысли: наказания не избежать. Я даже позавидовал Андрею, что его будет наказывать только мама. А меня... но я точно знал, что бабушка Эргашой может защитить. Главное было попасть в ее объятия. Там спасение, думал я.

Моему другу я посоветовал в случае чего, спрыгнув с осла, бежать к тетушке Бахри или к Тошматбаю. Там спасение.

Когда мы приблизились к кишлаку, к родной улице Олвака, уже стемнело. У колхозного поля нас встретил сосед. Он подошел к нам, взял за узду моего осла и покачал головой:

— Слава Аллаху. Живы. Вас ищут всей улицей. Где были?

Мы промолчали в ответ.

У ворот дома стояла заплаканная мама Андрея, увидев сына живым и здоровым, притом на «коне», она на непонятном мне языке стала ругать его. Наверное, на немецком или на идиш, но точно не на русском. Андрей на ходу спрыгнул с осла и побежал во двор. Что произошло дальше, я узнал только на следующей день.

Меня ожидала более тяжелая участь. Кто-то сообщил моей маме о том, что ее путешественник возвращается домой. У соседских ворот она ждала своего сына-«героя» с ивовым прутком.

Я понял, что должно произойти, и кинулся в спасительные объятия бабушки, но по дороге гнев и кара мамы неоднократно настигали меня.

На следующее утро, пока я собирался в школу, получил от старшего брата подзатыльник «для порядка». Злость его была объяснима. Ему влетело за меня, так как не уследил за мной. Оказывается, они с друзьями искали нас по всему кишлаку, обещав для начала всех моих одноклассников.

Все уроки, с первого до последнего, мы с Андреем провели стоя, так как после наказания ивой я не мог сидеть. Как рассказал мне Андрейка, мама пару раз стегнула его ремнем.

Позже я узнал, что в те дни в окрестностях кишлаков Кучкак и Хамирджуй объявилась стая одичавших собак, которая в поле покусала нескольких колхозников.

Первый месяц после происшествия мы без спроса даже за порог дома не выходили, ну а потом шалости продолжились. Однако урок даром не прошел.

Андрей с матерью и другие эвакуированные жили в Кучкаке с 1942 года, возможно, даже с конца 1941-го и до 1947-го. Затем их переселили в поселок городского типа Ким Канибадамского района, а позже, в 1950-е и 1960-е годы, все наши немцы переехали в другие города Таджикистана и Узбекистана. Когда Андрей с матерью жили в поселке Ким, они часто приезжали и гостили у нас или у тети Бахри. Комната, где жил мой друг с матерью, еще долго пустовала, и тетя, и мы между собой называли ее «комнатой Андрея». В общем, все эвакуированные поддерживали хорошие связи с семьями, в которых жили. Навещали друг друга.

В начале 1950-х годов Андрей с матерью переехали жить из Кима в другой город. Куда, не знаю. В кишлаке говорили, что часть наших немцев вернулись к себе на родину.

В 1960-е годы, когда я служил в государственных структурах, то узнал, что Андрей с матерью и все остальные де-юре не были эвакуированными, а были переселенцами. В 1941 году поволжских немцев насильно переселили из Энгельса и всего Поволжья. Но де-факто все немцы, которые жили в годы Великой Отечественной войны, остаются для кучкаковцев эвакуированными, людьми, которые спасались от войны и истребления.

Андрея в последний раз я видел примерно в 1950-м, когда он с матерью гостил у нас. После этого мы не встречались.

Я очень надеюсь, что он с матерью вернулся в свой родной дом с яблонями на берегу Волги.

Отец вздохнул:

— Оказывается, помню еще кое-что...

Я с гордостью смотрел на него и думал: порой я зачитывался книжками о военных сражениях Второй мировой войны, о героизме, жертвах, людях, которые в те суровые годы делились последним с эвакуированными, о детях войны, и мне все эти события казались такими далекими. А тут... Да...

Это же история жизни моего отца и яркая страница древнего кишлака Кучкак, расположенного у основания Каратага.

Великое поколение, которое в те страшные и голодные дни приняло жертв войны как своих родных, несмотря на то, что сами недоедали. При том, что эвакуированные

были особым контингентом — этническими немцами, местные жители делили с ними кров и хлеб.

Великое поколение, великий советский народ, который, сплотившись, смог победить в той великой и страшной войне.

МАХБУБА-РАЗВЕДЧИЦА

В наши дни о разведчиках много написано и сказано, сняты фильмы. Чекисты, бойцы невидимого фронта, деятельность их окружена тайнами и секретами, а разведка — это самое засекреченное подразделение спецслужб. При этом разведчики — такие же люди, и им не чуждо ничто человеческое. Для них (кроме небольшой горстки предателей, которые были во все времена) долг перед Родиной не пустые слова.

ВЧК—НКВД—КГБ — это история спецслужб всех бывших союзных республик СССР, хотя теперь некоторые из суверенных государств отрешиваются от КГБ, но при этом гордятся легендарными разведчиками и контрразведчиками, которые этнически относятся к ним, не замечая того, что эти герои носили погоны госбезопасности СССР.

Я был знаком с одним таким человеком. Если быть точным, с разведчиком-нелегалом. Звали ее тетя Махбуба. С ней я познакомился в 2004 году в Душанбе. В те годы ей было за восемьдесят. Несмотря на свой почтенный возраст, она оставалась активной, бодрой, с ясным умом и прекрасной памятью. Родилась в 1920 году в городе Худжанде. Каждая встреча с ней памятна. Как-то я у нее поинтересовался.

— Тетя Махбуба, когда с вас как с разведчика сняли гриф секретности?
— На праздновании Дня чекиста 20 декабря 1994 года тогдашний министр безопасности Республики Таджикистан Зухуров сообщил, что с меня сняли гриф секретности.

— А как вы попали в разведку?
— Во всем виновата война. В 1940 году после окончания медицинского колледжа я поступила в медицинский институт в Душанбе. Хотела стать детским врачом. Однако моей мечте не суждено было сбыться. Не только моей, а миллионов людей нашей страны. Война застала меня на студенческой скамье. Мы сдавали летнюю сессию. На каникулы планировала поехать домой к родителям, в родной Худжанд. Приготовила даже чемодан. Не тут-то было. Проклятая война. В первые дни войны мы всей группой записались добровольцами. Не помню, то ли в военкомате, то ли в институте всех наших девочек записали в медсестры. Но через несколько дней из студенток нашего института и других вузов создали группу, примерно из двадцати девушек, в числе которых была и я. С нами стали упорно заниматься специалисты по военно-физической подготовке и радисты. Интересовались уровнем знания канонов шариата, сколько знаем сур и айятов, умеем ли читать намаз, владением узбекским языком и умеем ли писать и читать на персидском и арабском языках. Примерно через месяц в группе осталось пять девушек, в их числе я.

Тетя Махбуба задумалась.

— Тогда я предположила, что нас готовят для заброса в тыл врага в партизанские отряды или для чего-то особого. Но при чем узбекский язык, каноны ислама? В голове не укладывалось, а истинные цели спецподготовки я узнала в 1942-м.

— А вам, тетя, не было страшно? Все-таки такая молодая!

— Конечно, было страшно, и не один раз. Но кто об этом в то время спрашивал. Шла война. После того как в группе осталось пять девушек, нас поселили на конспиративную квартиру в черте города Душанбе. Дом был большой, с земельным участком. В до-

ме было много комнат. В двух мы спали, а в одной с нами проводили занятия. Готовили из нас радисток, изучали персидский, дари и узбекский языки. Руководителем был Максим Александрович (имя изменено). Общался с нами на таджикском и узбекском языках. Хорошо знал фарси и дари. Он для нас был как отец родной. Заботился. За глаза мы его называли падар (отец). Он знал об этом и не обижался.

Ты спрашивал, было ли мне страшно? Да, были моменты. Помню, примерно весной 1942 года по плану подготовки у нас были парашютные прыжки. Инструктор, по национальности украинец, изначально был против моего прыжка с парашютом. Даже в день прыжка, перед посадкой в самолет, инструктор уговаривал руководителя группы отменить мое учебное десантирование. Помню, он говорил: «Она теоретически знает на отлично, но смотри, Максим, сколько в ней веса — сорок килограмм, и рост сто пятьдесят сантиметров. Покалечим дивчину». Но Максим Александрович ответил: «Пойми, не могу, она, возможно, за кордон будет заброшена на самолете, должна же знать, как и за что дергать». Из пятерых троих в буквальном смысле слова вытолкнули из самолета. Было страшно. Я летела с криком вниз, но при этом считала: один, два, три.... на счете «пятнадцать» дернула за кольцо. Купол раскрылся, страх стал отступать. Дергая за стропы парашюта, я поняла, что потоком ветра меня уносит от аэродрома Душанбе, с места условного приземления, в сторону Шахринав. Страх вернулся. Заплакала. Стала читать все молитвы, которые только вспомнила. Перед глазами пробежала вся моя жизнь. Коснулась земли у холма. Но оказалось, это не все. Приземлилась жестко и неудачно. Глядя на все еще надутый купол, подумала, что он готов еще раз взлететь, но потом представила его парусом. Визг переходил в девичий мат в адрес парашюта, который жестоко волок меня, как мешок с картошкой, по земле. Не знаю, сколько это продолжалось, кажется, вечно, но, на мое счастье, купол зацепился за дерево и смирился. Я была вся исцарапана, хромая, в кровоточащих ранах и синяках, из носа шла кровь, но была счастлива. Словно заново родилась. Несмотря на то, что еще путалась в стропях. От счастья я смеялась и пела. Меня нашли ближе к вечеру. Это был мой первый и последний прыжок с парашютом.

— Да... тетя, вы еще у нас и парашютистка?

— Да, сынок, имею один парашютный прыжок... — и рассмеялась.

Мы некоторое время сидели молча. Я представлял ее, маленькую девочку, прыгающей с парашютом.

Через некоторое время тетя Махбуба продолжила:

— Синяки прошли и раны зажили у парашютистки. Примерно через месяц Максим Александрович на конспиративной квартире пригласил в свой кабинет, где присутствовал мужчина лет тридцати. Его мне не представили. Но он все время внимательно разглядывал меня с ног до головы. Это меня раздражало. Но не подала виду. В разведке не принято задавать лишние вопросы. Не помню, о чем мы говорили с Максимом Александровичем, но беседовали около тридцати минут. Через неделю меня одну, в сопровождении моего куратора, отвезли на явочную квартиру. В квартире находился незнакомец. Максим представил меня. Незнакомца звали Салават. Это был резидент, советский разведчик-нелегал в Афганистане. До меня было доведено, что Салават из всех кандидатов выбрал меня в свою группу в качестве радиста. Но это не все. По разработанной легенде, мы должны были стать мужем и женой, то есть парной агентурой. Я была растеряна. Я испугалась: выходить замуж за незнакомого человека и без благословения моих родителей... Я не знала, кто он, кто его родители, какого рода-племени. То, что про него рассказали мне, понимала, что это легенда. Я отказалась. На следующий день Максим Александрович выступил вместо матери, сестры и подруги. Он стал уговаривать меня согласиться выйти замуж за Салавата. Напоминал, что идет вой-

на, о долге перед отечеством и что он хороший человек, буду жить за границей, как ханша. Последний довод он привел в шутку. При этом добавил, что о замужестве не должен знать никто, даже самые близкие люди — мои родители и подруги. Дали время на обдумывание — два дня. Взвесив все, я согласилась. Но с условием: замуж только по шариату, должны пройти обряд никох (брачный обряд). Руководство согласилось. Один из преподавателей, таджик, был знатоком Корана, вот он и поженил нас. Моим свидетелем была одна из курсанток из нашей группы, а вторым Максим. Он же был отцом, вместо моего отца. До 1947 года мои родные не знали, что их дочь вышла замуж. Они думали, что я пропала без вести на фронте. И тогда мне было страшно. Боялась осуждения родителей, братьев и родственников. Но этот страх переборол долг перед родиной. Шла война, враг топтал и осквернял нашу родную землю. Это, может быть, громкие слова, но тогда так думали все.

— Да... дорогая тетя, что вам пришлось пережить.

— Сынок, такое не пожелаю даже врагу.

— Когда вас забросили за кордон?

— В конце 1942 года.

— На парашюте?

— Нет, — рассмеялась Махбуба, потом продолжила: — Переправляли меня через реку Амударья, недалеко от Термеза. Не знаю, что было страшнее — парашют или переправляться на плоту по полноводной, бурлящей реке. На сопредельной стороне меня встретил теперь уже мой резидент-муж. Кстати, свидетельство о браке я получила в 1948 году. Это потом я узнала, как мне повезло. Мой супруг оказался очень хорошим человеком, как муж и отец он был идеальным. Жаль, что его нет сейчас с нами.

Тетя Махбуба загрустила и о чем-то задумалась. Через некоторое время улыбнулась и спросила:

— На чем я остановилась?

— На афганской стороне вас встретил Салават.

— А, да. Посадил меня на лошадь и отвез в афганский город Мазаре-Шариф. В этом городе у него был собственный дом. Как я узнала, Салават в качестве резидента в Мазаре-Шариф был заброшен в конце 30-х годов, под прикрытием торговца коврами. Поначалу он на центральном рынке имел небольшую лавку. Но затем стал расширяться. Дела пошли вверх. Стал одним из состоятельных купцов на рынке. Видно, проснулась жилка торговца. Купил дом в городе Мазаре-Шариф. Жил один. Народ стал интересоваться, почему у такого бая нет жены. У некоторых его сверстников уже было по четыре жены, а у него ни одной. Поэтому «центр» решил исправить положение, и срочно стали «подготавливать» жену резиденту. Отобрали пятерых кандидатов, и выбор пал на меня. Чему я теперь рада и счастлива.

— Вы общались с местными женщинами на каком языке?

— Сколько ни старалась, у меня не получалось говорить на диалекте узбеков и таджиков Мазаре-Шариф. По легенде, говорила, что я из Калаи-Нав и у меня все эти годы якобы, пока находилась в Афганистане, болели зубы и горло. Боялась лишних вопросов и, естественно, расшифровки.

В 1945 году я была в положении. Как медик и как женщина понимала, что рожать одной рискованно. Во время учебы в медучилище Худжанда наши соседи обращались за помощью. Некоторые стали называть меня доктор Махбуба. Честно, это мне льстило. Делала уколы и перевязки. Не раз присутствовала при родах и видела, как роженицы кричали, и все время почему-то «мама, мамочка». При этом некоторые нецензурно вспоминали своих мужей. Я об этом рассказала мужу-резиденту. Он подумал и сказал: «Я сам тогда приму роды. Думаешь, не справлюсь? Я же красный коман-

дир и до разведки был командиром эскадрона и не раз видел, как рожали наши кобылы. Думаю, небольшая разница. Я справлюсь». Я промолчала. Но когда приблизился срок, Салават из кишлака пригласил повитуху. Добрая была женщина. Без институтов и училищ, но знала свое дело. Роды были тяжелыми. Во время родов, как и предполагала, я несколько раз прокричала на своем худжандском «Бувачон» (мамочка). После родов повитуха спросила Салавата: «Откуда ваша жена? Она точно не местная». Салават сказал, что мои родители из Самарканда и в 1918 году, с приходом к власти Шурави, бежали в Афганистан, в город Калаи-Нав. Тогда я подумала: «Это провал». После этого страх преследовал меня, пока мы не покинули страну. Муж хотел избавиться от повитухи, это я поняла по его глазам, но я уговорила этого не делать. Она же приняла роды и первой взяла на руки нашего сына. Она спасла меня и сына. Муж-резидент выслушал меня и сказал: «Да, ты права. Я бы сам не справился. Наши кобылы так не рожали». Сына мы назвали Гуломсохиб. — Тетя Махбуба отпустила голову и заплакала.

Я подал ей чашку чая. Некоторое время мы сидели молча.

— А где сейчас Гуломсохиб?

— В 1947 году, после возвращения из командировки, его не стало.

— Когда вы вернулись на родину?

— В 1947 году резидент заподозрил неладное с членом нашей группы Икромом (псевдоним). Потом были получены сведения, что Икрома задерживали на несколько дней афганские спецслужбы. Честно говоря, афганские спецслужбы были слабые и особой активности не проявляли. Афганистан в конце 30-х и в 40-х годах, как и в наши дни, был полем боя для спецслужб других стран, где сталкивались их политические интересы. Наиболее активными были английские, немецкие и турецкие спецслужбы. В частности, в 1943 году нашей резидентурой были получены сведения о концентрации антисоветских элементов: бывших басмачей, наемников, немецких агентов и офицеров, которые работали под прикрытием — вблизи афгано-советской границы с целью диверсии и вторжения на территорию советского Туркестана. В самом Мазаре-Шариф таких элементов нами было вычислено около трехсот человек. Один полевой командир, из бывших басмачей, который был объектом интереса группы, был похищен и тайно Салаватом переправлен в СССР.

В 1947 году, в целях недопущения ареста, мы получили приказ о возвращении на родину. Мазаре-Шариф мы покинули ранним утром. Когда уже подходили к границе, вдаль показались всадники, они скакали за нашими душами. Мы спрятались в камышах. Потеряв нас, они ускакали вдоль берега Амударьи. Когда проносились мимо, заплакал Гуломсохиб. От неприятеля нас отделяло примерно шестьдесят-семьдесят шагов. Гуломсохиб продолжал плакать. Уговоры не действовали. Салават посмотрел на меня и зажал сыну рукой рот. Мы смотрели друг на друга, и слезы одновременно катились из наших глаз. Когда Гуломсохиб начал задыхаться, муж убрал свои руки с детского ротика, дитя жадно набрало полные легкие воздуха, а через мгновение опять начало плакать, уже истерично, и от страха кричать. Рука отца невольно, но осознанно заткнула опять рот сыну. Как это ни жестоко, но в тот момент это было единственно правильное решение. Всадники находились почти напротив нас, все прислушивались и не уходили. Вдруг они начали наугад стрелять в нашу сторону. Салават передал уже чуть живого, посиневшего ребенка мне, обнял нас и встал спиной в сторону врага. Одним словом, наш отец своим телом стал прикрывать нас. Вокруг, как скошенные, падали камыши. Слышала свист мимо пролетающих пуль. Наконец пальба прекратилась. Я прижала сына к груди. Эффект, наверное, был такой же, как и от отцовской руки. Я осмотрела Салавата, ребенка, а потом себя. Крови не было. Аллах со-

хранил, на нас не было ни царапины. Афганцы прислушались. Один из них сказал: «Может, это шакал выл». Другие ничего не ответили. В это время Салават медленно взял на руки ребенка. Мальчик молчал. То ли от бессилия, то ли понял, что, если будет плакать, будут затыкать рот. Всадники ускакали, а мы скрывались в камышах до вечера. Ближе к закату в условленном месте муж нашел лодку. Когда стемнело, мы без каких-либо проблем переплыли реку. Нас уже ждали. Как потом выяснилось, с того берега наши коллеги наблюдали все происходящее днем и при необходимости готовы были открыть ответный огонь. Кстати, под вечер афганцы вдалеке от нас стали поджигать камыши, но огонь, к нашему счастью, до нас не дошел. В этой кошмарной ситуации я боялась за сына, мужа и потом за себя. Было страшно....

После возвращения на родину мы с мужем три месяца проходили проверку. Приехали на постоянное место жительства в Душанбе, получили квартиру. Съездили в Худжанд, где я числилась без вести пропавшей. Я и муж были в военной форме и при орденах. Родные приняли меня хорошо, благодарили Аллаха, что жива и здорова, при муже, грудь полна орденов и медалей. Конечно, некоторые смотрели на меня косо, но это после всего пережитого казалось мелочью. На реке Гуломсохиб простудился. Долго болел. Умер наш сын в 1948 году от простуды.

Ушла в запас, не дослужив до пенсии, в звании старшего лейтенанта. Медиком так и не стала. Окончила педагогический институт. В мирное время родила Салавату дочерей и сыновей. В 1993 году вышла на пенсию с должности заведующей детским садом, где проработала более тридцати лет. Мужа похоронила в 1976 году. Инфаркт.

В это время зазвенел дверной звонок. Тетя Махбуба пошла открывать. В коридоре послышался детский голос: «Здравствуйте, бабушка». Затем бас: «Салом, бабуля». Это был внук, лейтенант ГКНБРТ.

Жизнь продолжалась.